

801-18
941

46853-44

Дольмены станицы Баговской (Кубанской области, Майконского уезда).

Е. Д. Фелицына.

Станица Баговская, Майконского уезда, находится в 86-ти верстах на левом берегу горной рѣчки Ходзь, впадающей в рѣку Лабу, которая в свою очередь составляет одинъ изъ главнѣйшихъ и многоводныхъ притоковъ рѣки Кубани. Рѣка Ходзь образуется слияніемъ двухъ незначительныхъ рѣчусекъ Ходзь-Бугунгъ и Ходзь-Зишко, непосредственно вытекающихъ изъ второстепеннаго хребта, идущаго параллельно главному хребту Кавказскихъ горъ. Вѣ двухъ верстахъ южнее станицы Баговской, рѣчки эти, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ рѣку Ходзь, которая на пути своего теченія къ сѣверу въ числѣ другихъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣку Гурмай. Вѣ углу соединенія рѣки Гурмай съ рѣкою Ходзь на полуостровѣ горы, обрамленной лѣсомъ, расположена станица Баговская. По измѣренію, произведенному мною помощью anerоида, Баговская лежитъ на высотѣ 1760 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря. Со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ высокія горы, прорѣзанныя кое-гдѣ нѣсколькими ущельями, глубокими ложбинами и оврагами. Окрестныя высоты покрыты прекрасными лиственными лѣсами, а по склонамъ ихъ видѣются довольно обширныя зеленѣющія поляны, гдѣ производится посѣвъ и сѣвокосъ. Баговская основана вѣ 1862 году и заключаетъ въ себѣ 154 двора съ населеніемъ вѣ 1135 душъ обою пола. До покоренія Западнаго Кавказа мѣстность эта занята была аулами горцевъ, называвшихся Баговцами, слѣды пребыванія которыхъ сохраняются въ оставленныхъ ими кладбищахъ, находящихся вѣ 6 верстахъ отъ станицы между рѣками Ходзь-Бугунгъ и Ходзь-Зишко. Здѣсь же разбросаны группы кургановъ до 30 штукъ, свидѣтельствующихъ, что Баговскому Обществу Закубанскихъ Горцевъ, вѣ болѣе или менѣе отдаленныя времена, предшествовалъ другой народъ, бытъ можетъ смѣшанный тѣхъ, кому принадлежатъ дольмены, къ описанію которыхъ я перейду сейчасъ.

На юртовой землѣ станицы Баговской плитовыя постройки встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ частію группами, частію одиночно, преимущественно къ западу, къ сѣверо-западу отъ станицы и очень рѣдко къ востоку, на разстояніи отъ 3 до 12 верстъ отъ поселенія. Дольмены расположены на отлогихъ и безлѣсныхъ склонахъ горъ, вблизи овраговъ, иные же изъ нихъ стоятъ на чистыхъ лѣсныхъ полянкахъ. При личномъ моемъ осмотровѣ ближайшихъ окрестностей станицы Баговской и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Барковымъ, учителемъ мѣстной народной школы, на юртовой землѣ станицы Баговской найдено 29 дольменовъ. Цифра эта не опредѣляетъ однако дѣйствительнаго числа ихъ: по словамъ жителей дольмены часто попадаются въ глубинѣ окрестныхъ лѣсовъ, вѣ дикой трудно доступной заросли, проникнуть куда можно лишь благодаря какой-либо случайности, такъ какъ къ мѣстамъ этимъ не имѣется не только дорогъ, но даже и тропинокъ.

Изъ осматрѣнныхъ плитовыхъ построекъ прежде всего укажу на три группы или кладбища этихъ сооружений: самое большое изъ нихъ, состоящее изъ 12 дольменовъ, находится на склонѣ горы, извѣстной вѣ мѣстныхъ жителей подъ именемъ Любиковой поляны; другая группа въ 11 дольменовъ — на Зацѣнной полянѣ; послѣдняя, изъ трехъ дольменовъ, расположена на такъ называемой аульной полянѣ, за тѣмъ по одному дольмену: на постовой Гурмайской полянѣ, на горѣ вблизи Митчинаго покоса и наконецъ вѣ лѣсу, вѣ 5 саженьхъ вправо отъ кладбищенской дороги. Большая часть построекъ этихъ воздвигнута на небольшихъ земляныхъ насыпяхъ, иные же стоятъ на совершенно ровномъ мѣстѣ. При изслѣдованіи обнаружилось, что въ основаніи дольменовъ, по крайней мѣрѣ вѣ большинства ихъ, въ видѣ фундамента имѣются толстыя плиты, по размѣрамъ своимъ одинаковыя съ верхними камнями, служащими кровлею построекъ; иногда фундаментъ состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ плитъ, довольно искусно прилаженныхъ одна къ другой; верхняя сторона нижней плиты бываетъ обыкновенно отесана, хотя поверхность ея далеко не можетъ быть названа гладкою. Вѣ одномъ дольменѣ фундаментъ оказался сложеннымъ изъ мелкихъ камней различной формы и величины, точъ вѣ точъ какъ это мы видимъ на мостовыхъ, выложенныхъ плитнякомъ. Всѣ мегалитическія постройки станицы Баговской имѣютъ одинаковую форму четырехъугольнаго ящика или сундука, закрытаго сверху толстою каменною плитою; разница замѣчается лишь въ размѣрахъ плитъ, ихъ отдѣлкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ, не имѣющихъ, впрочемъ, вліянія на вишній видъ и форму этихъ сооружений. Баговскіе дольмены по наружному своему виду весьма сходны съ Индійскими, изображенными на 94 стр. соч. Лѣббека «Донисторическія времена» *) перевода Анучина.

За исключеніемъ немногихъ, всѣ они состоятъ изъ четырехъ вертикально поставленныхъ каменныхъ и толстыхъ каменныхъ плитъ, образующихъ собою родъ четырехъугольнаго ящика, иногда удлиненнаго на подобіе сундука, иногда совершенно квадратнаго. Двѣ плиты, параллельныя между собою, бываютъ обыкновенно длиннѣе другихъ и составляютъ какъ бы фундаментальныя стѣны; на четверть или полторы отъ наружныхъ концовъ этихъ продольныхъ плитъ, вѣ середину между ними вставлены двѣ другія болѣе короткія плиты, ребрами своимъ плотно упирающіяся во внутреннюю сторону продольныхъ плитъ, въ которыхъ бываютъ иногда продѣланы пазы, куда входятъ ребра поперечныхъ плитъ. Вѣ одной изъ поперечныхъ короткихъ плитъ имѣется отверстіе, приходящееся, насколько я могъ замѣтить, въ центръ площади камня. Отверстіе имѣетъ форму круга съ отрѣзаннымъ сегментомъ внизу; діаметръ круга колеблется между 10 и 12 верниками. Сверху доль-

*) Помѣщено въ журналѣ «Правда» за 1878 г.

* *

мени покрыты пятаю плитой, площадь которой значительно больше площади прямоугольника, образуемого другими плитами, составляющими стѣны постройки; поэтому кровля на четверть и больше выдается вперед со всѣх четырехъ сторонъ, напоминая навѣсы крышъ обыкновенныхъ нашихъ жилищъ. Чтобы получить совершенно ясное и вѣрное понятие о размѣрахъ всѣхъ составныхъ частей разсматриваемыхъ сооружений, произведено было тщательное измерение десяти дольменновъ, причемъ найдено, что длина продольныхъ стѣн колеблется между 3 арш. 13 верш. и 2 арш., а поперечныхъ, или короткихъ, плиты между 3 и 2 арш.; высота стѣнъ отъ основанія, или отъ поверхности земли, отъ $1\frac{1}{4}$ арш. до $2\frac{1}{2}$ арш.; толщина каменныхъ плитъ, образующихъ стѣны дольменновъ, отъ 2 до 8 вершковъ. Длина верхнего камня, въ зависимости отъ размѣровъ постройки, бываетъ отъ $4\frac{1}{4}$ арш. до 3 ар., ширина отъ $3\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{4}$ арш.; толщина плиты отъ 7 до 12 верш. Сопоставляя размѣры плитовыхъ построекъ съ наружными ихъ видами, я могъ замѣтить, что меньшія изъ нихъ имѣютъ форму правильного квадрата: такъ въ одномъ изъ осматрѣнныхъ экземпляровъ всѣ четыре плиты, составляющія дольмень, оказались одинаковой мѣры въ 2 аршина, тогда какъ другіе, въ большинствѣ случаевъ очертанія напоминая прямоугольники, имѣютъ продольныя стѣны нѣсколько длиннѣе поперечныхъ. Замѣчательно, что въ Баговской станицѣ встрѣчаются дольмены совершенно особой конструкции, остановавшей на себѣ мое внимание потому собственно, что въ Кубанской Области, столь богатой этими памятниками, подобныхъ я не видѣлъ нигдѣ. Высѣченные изъ громадной каменной глыбы, дно и бока ихъ составляютъ *одно цѣлое*; сверху точно также какъ и у другихъ плитовыхъ сооружений, лежитъ каменная плита, служащая кровлею. Очертаніе внутреннихъ стѣнъ построекъ напоминаетъ квадратъ съ закругленными углами; дно представляется углубленнымъ внизъ кривою поверхностью, что, вѣроятно, произошло вслѣдствіе несовершенства орудій и неумѣлости мастера, производившаго эту постройку. Эти цѣльные дольмены въпослѣдствіи своемъ мало чѣмъ отличаются отъ господствующаго въ данной мѣстности типа подобныхъ же плитовыхъ сооружений. Отличительной чертою всѣхъ осматрѣнныхъ мною дольменновъ является то, что внутреннія стороны плитъ, за малымъ исключеніемъ, высѣчены весьма тщательно и довольно гладко; наружныя, напротивъ, отшлифованы грубо, а иногда, какъ мнѣ казалось, совершенно не подвергались никакой обработкѣ. Тоже надобно сказать о верхнихъ камняхъ: нижняя сторона ихъ, непосредственно лежащая на ребрахъ вертикальныхъ стѣнъ дольмена, представляетъ ронную и гладкую поверхность, верхняя же, гребень обитая отъ выдающихся частей, удоболагается холмообразной земляной насыпью съ изрядною поверхностью и неправильно покатыми боками. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ дольменахъ обнаруживается очевидное совершенство техники строительнаго искусства, выражающееся болѣе искусственными извѣщеніями внутреннихъ стѣнъ плитъ и вѣсточку назывъ, какъ въ продольныхъ стѣнахъ, куда вставляются боковыя плиты, такъ и въ верхнемъ камнѣ, который вслѣдствіе этого приспособленія плотно прилегаетъ къ ребрамъ вертикальныхъ стѣнъ, образующихъ ящики.

Материалъ для сооруженія Баговскихъ мегалитическихъ построекъ очевидно добывался въ ближайшихъ окрестностяхъ и ушельхъ рѣкъ, повсюду обнажающихся мощная плита плитныхъ кристаллическихъ известняковъ и доломита, совершенно тождественныхъ плитамъ, изъ которыхъ состоятъ описываемыя постройки. Образецъ материала, взятый изъ дольмена, заключающаго въ себѣ черепъ и нѣкоторыя мелкія вещи, вмѣстѣ съ этими находками послыдаются.

Разсматривая порядокъ расположенія плитъ, не трудно замѣтить, что въ ст. Баговской всѣ камни съ отверстиями обращены исключительно къ югу; можно думать, что въ народѣ, соорудившемъ дольмены, соблюдалось въ этомъ отношеніи извѣстное правило или обычай, быть можетъ вытекающій изъ религиозныхъ убѣжденій. На сколько можно заключить изъ осмотра 29 экземпляровъ данной мѣстности, всѣ плитовыя постройки встрѣчаются всегда болѣе или менѣе глубоко погруженными въ землю; нѣкоторыя изъ нихъ опустились въ ямы, или какъ бы вросли до половинъ, другія по самую кровлю, но чаще всего они скрыты бываютъ въ землѣ на 1 и $1\frac{1}{2}$ ар. своей высоты. Существующее въ археологической наукѣ предположеніе, имѣющее себѣ много сторонниковъ, будто-бы въ первоначальномъ своемъ видѣ дольмены всюду, гдѣ они попадаются, находились подъ земляными насыпями и обнажились уже впоследствии подъ вліяніемъ размывки, раскопано в т. п., въ ст. Баговской не встрѣчается себѣ ни малѣйшаго подтвержденія. Я скорѣе склоненъ думать, что мѣстныя мегалитическія сооружеія всегда стояли или на небольшихъ земляныхъ насыпяхъ, или же непосредственно на грунѣтѣ, но будучи ни чѣмъ прикрыты сверху. Это ясно видно и теперь: размывка дождемъ и распыло наименее должны были оставить по себѣ какіе либо слѣды, однако ничего подобнаго при самомъ внимательномъ наблюденіи я не могъ замѣтить. Въ настоящее время изъ 29-ти дольменновъ только 7-мъ сохранились въ цѣлости, остальные представляются или въ полномъ разрушеніи, или же безъ верхнихъ камней и частью съ разломанными боковыми плитами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пастухи, прогнающіе стаинчикъ скота на окрестныя поляны, устроили себѣ временной пріютъ отъ дождей и непогоды. Казаки, населяющіе ст. Баговскую, не питаютъ особаго уваженія къ этимъ памятникамъ глубокой древности и потому немало способствуютъ ихъ разрушенію, которое однако справедливѣе приписать времени и вліяніемъ атмосферическихъ перемѣнъ. Горцы, предшественники наши въ Закубанскомъ краѣ, относятся вообще съ большимъ уваженіемъ къ памятникамъ старины, въ чемъ бы они не заключались; къ сожалѣнію Кубанскіе казаки, унаследовавъ ихъ мѣста, не подражаютъ этой похвальной чертѣ горцевъ. У мѣстныхъ жителей, водворившихся здѣсь, какъ я сказалъ выше, только 17 лѣтъ тому назадъ, никакихъ преданій о дольменахъ не существуетъ. Горцы же рассказываютъ о нихъ легендарную исторію слѣдующаго содержания: въ дѣтныя времена, на мѣстахъ, гдѣ сохранились плитовыя постройки, жили два народа: одинъ—гиганты, другой—караики. Последние, отличаясь необыкновенно маленькимъ ростомъ и слабыми силами, не будучи въ состояніи построить себѣ жилищъ, обратились къ гигантамъ, которые и соорудили имъ дольмены въ томъ видѣ въ какомъ мы ихъ находимъ теперь. По словамъ легенды гиганты были такъ сильны, что одинъ человѣкъ на плечахъ своихъ свободно приносилъ плиту съ мѣста добычи на постройки; круглое отверстие въ одной изъ стѣнъ дольмена служило караикамъ дверью, что наглядно опредѣляетъ малый ростъ этого легендарнаго народа. Оставляя въ сторонѣ народныя преданія, лишеныя разумѣтсва, великаго вѣронія, и становясь на твердую почву научныхъ изслѣдованій, нельзя сомнѣваться, что въ Баговской станицѣ, равно какъ и всюду въ другихъ мѣстахъ: въ Индїи, Ажирѣ, Данїи, западной Франціи, Англии, Шотландіи и т. д., постройки эти имѣли одно и то же предназначеніе могилъ. Если большинство изъ нихъ и не заключаетъ въ себѣ слѣдовъ погребенія, то явленіе это объясняется слишкомъ хорошо извѣстными намъ причинами, приводить которыя было бы

излишнимъ и неумѣстнымъ распространеніемъ въ моемъ крупномъ очеркѣ. Въ описываемой мѣстности остатки погребенныхъ людей найдены были въ двухъ дольменахъ: въ одномъ, съ разрушеной продольной стѣной и разбитою поперечною плитой, открыты въ грудѣ насыпной земли съ гравіемъ осколки реберъ, позвонковъ, бедровыхъ, плечевыхъ, лоптевыхъ костей и правая часть нижней челюсти съ коренными зубами; все это оставлено на мѣстѣ какъ не заслуживающее вниманія. Несравненно интереснѣе другой дольмень, подарившій намъ болѣе цѣнными вещами, которыя я и представляю Комитету. При осматрѣ отъ оказалось уже разрушеннымъ, что особенно благопріятствовало изслѣдованію его: правая, т. е. восточная стѣна его (для болѣе яснаго представленія нелишнимъ будетъ повторить, что плита съ отверстиемъ обращена на югъ) лежала въ кустахъ на склолѣ земляной насыпи, гдѣ стояла самая постройка; половина кровли тоже обвалилась; нижняя плита дольмена на двѣ четверти заслана была землей съ гравіемъ, на поверхности которой и около западной, т. е. противоположной стѣны обнаружены были два черепка—одинъ цѣлый, другой въ осколкахъ. При снятїи земли подъ черепами на двѣ постройки оказались въ безпорядкѣ лежащими остальныя кости человѣческаго остова; возлѣ нихъ осколки третьего черепка и двѣ челюсти. Разсматривая ихъ не трудно убѣдиться, что одна принадлежала субъекту поименнъ лѣтъ, если не старцу, другая субъекту въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, доказательствомъ чему служатъ едва показавшіяся съ правой стороны послѣдній коренной зубъ (мудрости). Тутъ же въ землѣ отрято два глиняныхъ издѣлья въ видѣ полушарій съ углубленною серединой и нѣсколько отверстіемъ, кусокъ правильно отшлифованнаго синяго стекла и два черепка разбитаго кувшинчика. Болѣе ничего не оказалось. Положеніе череповъ и остальныхъ костей не оставило ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что трупъ погребенъ былъ въ сидячемъ положеніи такимъ образомъ, что спина ихъ упирались въ западную стѣну, а ноги скорѣе были согнуты, нежели протянуты впередъ. Покойникъ очевидно погребенъ рядомъ, при чемъ старшій, какъ это надо было заключить по черепу съ сильно стертими и попорченными зубами, находился ближе къ отверстию; двое другихъ помѣщались за нимъ, но порядку размѣщенія послѣднихъ опредѣлить не было возможности, такъ какъ останки ихъ представляли въ сущности двѣ близко лежащія и нѣсколько смѣшанныя между собою груды костей. Такимъ образомъ изслѣдованній дольмень несомнѣнно былъ унаследованъ цѣлаго семейства, принадлежавшаго несомнѣнно тому же народу, которымъ воздвигнуты всѣ прочія плитовыя сооружеія, сохранившіяся въ этой мѣстности. Погребеніе въ сидячемъ положеніи или на короткомъ вѣку, какъ покаяли изслѣдованіи 564 английскихъ могилъ, прозвѣданныя гг. Батеманомъ и серомъ Р. Хоромъ, являются характеристичными признакомъ каменнаго періода. Къ такому же выводу приводитъ и Нильсонъ, изучавшій дольмены Швеціи, Данїи и другихъ государствъ. Опираясь на авторитетъ этихъ ученыхъ и не прусаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія, я отношу Баговскія плитовыя постройки къ каменному вѣку; способъ погребенія въ этомъ случаѣ является вѣселимъ и трудно споримымъ фактомъ, подтверждающимъ нѣсколько сильнѣе выслѣды мой. Въ заключеніе мнѣ остается еще разсмотрѣть найденные съ костями предметы. Къ сожалѣнію, въ числѣ ихъ нѣтъ никакихъ, одного присутствія которыхъ бываетъ иногда совершенно достаточно, чтобы опредѣлить время и назвать народъ, замѣчательный въ предметѣхъ этихъ неопровержимые слѣды своего существованія, выражающагося всегда въ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ фактахъ

археологическихъ доказательствъ. Форма орудій, материалъ, та или другая степень совершенства обработки, въ данномъ случаѣ могли бы, конечно, служить наиболѣе сильными аргументами для какихъ либо выводовъ достовѣрныхъ зачатъ соответствующее мѣсто въ наукѣ. Не располагая этими важными для каждаго изслѣдователя подспорьями, допускающими дѣлать сопоставленія и сравненія съ однородными явленіями, уже получившими вѣрное истолкованіе специалистами, мнѣ предстоитъ ограничиться лишь тѣми готовыми выводами науки, которые въ Баговскихъ плитовыхъ сооружеіяхъ находятъ себѣ болѣе или менѣе удачное приложеніе. Глиняныя полушарія съ просверленнымъ сквознымъ отверстиемъ и выбранное срединою, по моему мнѣнію, могли быть бусинами, составлявшими украшеніе народа. Материалъ и самая отдѣлка указываютъ, что искусство это было на очень низкой ступени развитія и, такъ сказать, находилось въ зародкѣхъ.

Любопытно было бы сравнить ихъ съ бусинами Кемериджской глины, найденными въ камерѣ продолговатаго кургана близъ Кенета въ Виллѣмѣрѣ и описанными докторомъ Тёрнаментомъ. Сходство ихъ могло бы послужить другимъ не менѣе важнымъ поводомъ отнестя Баговскіе дольмены къ неолитическому періоду человѣческой культуры. Кусокъ правильно отшлифованнаго синяго стекла, представляющаго основаніе усѣченнаго конуса, старитъ меня въ нѣкоторое затрудненіе относительно предназначенія своего у погребенныхъ людей. Я останавливаюсь однако на предположеніи, что онъ составлялъ, вѣроятно, принадлежность какого либо украшения одежды, часть ожерелья, или же находился въ кольцѣ, сдѣланномъ тоже изъ глины и подъ вліяніемъ времени разрушившимся на мелкія части. Последнее мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ въ курганѣхъ и могилѣхъ Закубанскаго края очень часто встрѣчаются кольца, вытѣсненные изъ глины и иногда со вставнымъ газломомъ. За отсутствіемъ другихъ данныхъ, позволяющихъ возстановить предметъ въ его цѣлости, много объясненій этой находки я предложить не могу. Если отвергнуть высказанное мною мнѣніе, то остается думать, что стеклышко это занесено сюда гораздо позже погребенія людей, въ останкахъ которыхъ оно очутилось слѣдовательно уже случайно. Тогда слишкомъ очевидное различіе въ степени совершенства отдѣлки глиняныхъ бусинъ и стекла подрываетъ это послѣднее предположеніе и одновременно ихъ производства становится конечно сомнительно. Во всякомъ случаѣ невозможно отрицать принадлежность стекла неолитическому періоду, ибо орудія этого времени, сдѣланные даже изъ самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ, кремня, гранита и т. п., отличаются строгою правильностью размѣровъ и прекрасною обработкою; слѣдовательно, при такомъ состояніи техническихъ знаній, въ позднѣйшемъ каменномъ вѣкѣ отдѣлка стекла становится явленіемъ весьма понятнымъ и легко допускаемымъ. Мы знаемъ, что въ могилѣхъ желѣзнаго періода періоду попадаются вещи бронзоваго вѣка и въ этихъ послѣднихъ орудія каменнаго вѣка; поэтому присутствіе въ дольмѣхъ грубыхъ глиняныхъ бусъ, быть можетъ относящихся къ древне-каменному періоду, нисколько не противорѣчитъ высказанному мною заключенію. Два осколка сосуда, извлеченныхъ изъ дольмена, позволяли мнѣ возстановить его въ первоначальномъ видѣ, какъ это изображено въ послѣднемъ рисункѣ. Принимаю въ соображеніе отбитыя части, высота сосуда должна колебаться между 15—18 сантиметрами, окружность равняется $31\frac{1}{2}$ сант., диаметръ 10 сант. Сосудъ очевидно имѣлъ форму цилиндра, нѣсколько углозеннаго къ низу; предпологаю, что бока его снабжены были ручками. Орнаментовъ на поверхности не замѣчается, но выше рунки отчетливо видны двѣ параллельныя до-

рожки, присматриваясь къ которымъ, можно предпоагать что онѣ сдѣланы отъ руки; между тѣмъ гладкая поверхность наружной стороны сосуда и правильно, параллельными разположенными углубленія съ соответствующими возвышеніями на внутренней сторонѣ указываютъ, что сосудъ этотъ воспроизведенъ помощью гончарнаго станка. Стоитъ сравнить любой экземпляръ извѣстныхъ издѣлій изъ глины съ найденными осколками, чтобы убедиться въ справедливости высказаннаго мнѣнія. Осколки сосуда возбуждаютъ во мнѣ два въ одинаковой степени важныхъ вопроса, а именно: можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ поставленъ въ дольменѣ одновременно съ погребенными людьми, или же присутствие его слѣдуетъ объяснить случайностью, занесеніемъ сюда въ болѣе позднее время, и затѣмъ—какое онъ могъ имѣть предназначеніе въ этой могилѣ? Для разрѣшенія перваго вопроса мнѣ представляются только два руководящихъ способа: сравненіе осколковъ съ другими вещами, извлеченными изъ того же дольмена, и сопоставленіе ихъ съ образцами глиняной посуды, открытой въ древнихъ тумузахъ Великобританіи и описанныхъ Бѣтманомъ. Труды Нилсона, Ворсо, Келлера, Морло, Тайлора, Гревинка, Воде, Фергюсона и другихъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіями доисторическихъ временъ человѣка, къ сожалѣнію остаются для меня совершенно недоступными. Уголокъ нашъ чуждъ всякихъ литературныхъ пособій, касающихся этого предмета и, по необходимости, мнѣ остается пользоваться тѣмъ лишь, что предлагаетъ книга Лѣббока. Сравнивая глиняныя вещицы, напоминающія бусины, съ осколками сосуда, нельзя не замѣтить различія, рѣзко бросающагося въ глаза, какъ въ отдѣлкѣ предметовъ, такъ и въ составѣ матеріала. Черепки явно обнаруживаютъ знакомство съ гончарнымъ станкомъ и способамъ обжиганія глины, проявляють очевидное совершенствованіе техники этого производства сравнительно съ первобытными способамъ; наконецъ приспособленіе ручекъ доказываетъ вѣкторую развитость, понятіе объ удобствѣ и, пожалуй, стремленіе къ комфорту. Бусины, напротивъ, выдѣленныя изъ сырой необожженной глины, отличались несправильностью формы, не оставляють сомнѣнія въ томъ, что они сдѣланы руками плохаго мастера, принадлежавшаго народу, находившемуся на первой ступени умственнаго развитія и знакомому лишь съ самыми первобытными приемами глинаго искусства. Если у специалистовъ доисторической культуры человѣка не отыщется объясненія, примиряющаго замѣченное несогласіе вещей, найденныхъ рядомъ въ могилѣ, относной мною къ позднему каменному вѣку, то я склоненъ думать, что черепки посуды попали въ нее гораздо позже сооруженія дольмена, служившаго усыпальницей цѣлаго семейства. Въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія ссылаюсь на Бѣтмана, подвергшаго тщательному изслѣдованію глиняную посуду доримской эпохи и весьма опредѣленно заявляющаго, что вся она была сдѣлана отъ руки безъ помощи гончарнаго станка; ручки встрѣчаются какъ исключеніе; преобладающее большинство не имѣетъ ихъ вовсе.

Оставляя, однако, въ сторонѣ предположеніе мое, нуждающееся конечно въ болѣе убѣдительныхъ доказательствахъ, нежели приведенныя, я обращаюсь къ разсмотрѣнію другаго вопроса: какое предназначеніе могъ имѣть найденный въ дольменѣ сосудъ? Форма и размеры его, на мой взглядъ, ближе всего напоминають типъ посуды, на-

значавшейся для помѣщенія жидкостей. Обычай ставить въ могилѣ усопшаго пищу, питье и класть съ нимъ оружіе и различные предметы домашней утвари, какъ извѣстно, существовалъ во времена самой глубокой древности; слѣдовательно, присутствіе въ дольменѣ осколковъ посуды ставится весьма понятнымъ, тѣмъ болѣе, что подобное же явленіе замѣчено и въ другихъ странахъ, гдѣ произошло изслѣдованіе плитовыхъ постройекъ тождественныхъ описываемымъ мною. Переходя затѣмъ къ человѣческимъ останкамъ, извлеченнымъ изъ дольмена, вниманіе мое останавливается на черепахъ, изъ которыхъ, какъ я уже замѣтилъ выше, два оказались разрушенными и только одинъ сохранился въ цѣломъ видѣ. Руководствуясь подраздѣленіемъ краниологическимъ, черепа эти слѣдуетъ отнести къ широкоголовому племени первобытныхъ людей или брахцефальному типу. Толщина костей, особенно замѣтная на осколкахъ одного изъ разсыпавшихся экземпляровъ, опять таки является новымъ и очень сильнымъ аргументомъ, позволяющимъ мнѣ съ большою смѣлостью приписывать Ваговскія дольмены каменному періоду, ибо, по заключенію Шафгаузена, этотъ признакъ служитъ однимъ изъ главныхъ и наиболѣе существенныхъ при опредѣленіи древности человѣка, что находить себя блистательное подтвержденіе въ предлагаемыхъ осколкахъ черепа.

Изслѣдованіе Вирхова надъ черепами, найденными въ Датскихъ курганахъ, и мнѣніе академика Вѣра, осматривавшаго черепа, взятыя изъ Датскихъ и Шведскихъ дольменовъ, сходятся въ томъ, что черепа каменнаго періода въ большинствѣ случаевъ относятся къ брахцефальному типу или, по Вирхову, къ ортоцефальному съ наклономъ къ брахцефализму. Впрочемъ Нилсонъ въ Шведскихъ дольменахъ находилъ черепа длинноголового племени, которое однако, по его же словамъ, являлось туда послѣ круглоголового племени. Такимъ образомъ, всѣ эти частности, въ особенности же способъ погребенія покойниковъ, даютъ мнѣ основаніе съ увѣренностью заключать, что Ваговскія плитовыя постройки сооружены въ позднѣйшій каменный или бронзовый періоды, но не позже. Критическую оцѣнку мнѣнія о нашихъ Кубанскихъ дольменахъ Дюбуа де Монперѣ, Ворсо и Гревинка, приписывающихъ ихъ то Киммерійцамъ Страбона, явившимся въ южную Россію изъ Малой Азіи и позже переселившимся въ Данію, то Готамъ третьяго вѣка по Р. Х., я откладываю до другаго раза. Здѣсь же замѣчу только, что Дюбуа де Монперѣ и Ворсо, предполагающіе, что строители ихъ принадлежали племени, родственному тому, которое воздвигло на сѣверѣ Западной Европы тамошніе дольмены*), на мой взглядъ являются наиболѣе вѣрными истолкователями, мнѣніе которыхъ я раздѣляю вполне.

Въ концѣ концовъ нелишнимъ считаю добавить, что раскопка дольмена, предоставившаго въ наше распоряженіе посѣлаемые при этомъ черепа и вещи, по моимъ указаніямъ произведена учителемъ мѣстной народной школы г. Барковичемъ, и носитъ на себѣ характеръ случайной развѣдки. Специальныя же изслѣдованія Ваговскихъ плитовыхъ сооружений несомнѣнно могли бы подарить болѣе цѣннымъ матеріаломъ для разрѣшенія возбуждаемыхъ ими, и столь интересныхъ для насъ, вопросовъ доисторической археологій.

*) Лѣббокъ. Доисторическія времена, стр. 119, 120 и 121.